

Трасковская Г.С. ЗВУКОСИМВОЛИЗМ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 81'37=222.1'06

Постановка проблемы. До сих пор в языкознании вызывает большой интерес вопрос о природе первичного наименования вещей. Вопросы связи между звуком и значением изучаются по материалам самых различных языков: в русском языке проблему звукоимовизма затрагивали С.В. Воронин, А.И. Германович, В. Н. Добровольский, Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, С. А. Карпунин и другие; в славянских языках – Р. Смаль-Стоцкий, С. М. Толстая; в немецком – Е. А. Глухарева, В. Т. Косов и другие; в шведском – А. Нурен, в датском – К. Нируп, во французском – М. Грамон и Е. Е. Корди, А.Б. Михалев, в румынском – И. Джордан, А. Росетти, в испанском – В. Диего, в литовском – А. Лескин; в крымскотатарском языке – А. М. Меметов. В персидском языке избранная тема ранее не подвергалась научному исследованию. Первичное закрепление значения слова, или первичное наименование, основанное на формировании обобщенного образа, проходит через конкретные этапы чувственного познания, при котором важную роль играют органы чувств. Определенные закономерности зрительного и осязательного восприятия могут мотивировать систему наименований предметов, встречающихся в человеческой практике в связи с этими видами ощущений. **Целью** статьи является выявление фоносемантического этимона, который в соответствии с общей теорией звукоизобразительности может выступать как обобщенный фонемотип. Сопоставительное изучение фоносемантического этимона с аналогичными формами других языков основано на идее универсальности явления звукового символизма.

Изложение основного материала. До настоящего времени звукоимовические слова в персидском языке не выделялись отдельно, а рассматривались вместе со звукоподражательными в составе звукоизобразительных слов. Звукоимовические слова отличаются от звукоподражаний преимущественно средствами создания образности. Если образность последних обусловлена воспроизведением естественных звучаний, то для звукоимовических слов она всецело – продукт специфической организации выразительных средств. Звукоподражательные слова являются результатом подражания различным звукам окружающего мира. Звукоимовические слова выражают образное представление о световых явлениях, о внешнем состоянии живых существ или предметов, об их движениях, которые являются результатом чувственно-зрительного восприятия.

Звукоизобразительные слова, имея непосредственную связь с чувственно-зрительным восприятием действия или состояния, представляют собой как бы снимок реального образа. Некоторые из них передают сложную картину, состоящую из целого ряда образных представлений.

По мнению В.В. Левицкого, категоризация и выявление звукоимовической лексики представляет собой одну из наиболее сложных проблем фоносемантики.

Анализ, проведенный С.В. Ворониным, показал, что в основу номинации звукоимовических слов могут быть положены признаки объектов, воспринимаемые в любой сенсорной модальности человека (кроме слуховой). Наибольшее число возможных признаков приходится на долю зрения [2, 88]:

- *движение* (мгновенное/длительное, быстрое/медленное, резкое/мягкое, неровное/ровное, непрерывное/прерывное, беспорядочное, скользкое);
- *статика* (удаленность – близкое/далекое, размер – большое/маленькое, форма – округлая, искривленная, заостренная, вытянутая);
- *обоняние* (запахи приятные/неприятные);
- *вкус* (признаки – сладкое, соленое, кислое, горькое – характеризуются как приятные/неприятные);
- *осязание* дает возможность различать признаки кожно-осязательной (тактильной) группы (прикосновение, давление, свойства поверхности – гладкое/шероховатое; фактуру объекта; твердость или жесткость, а также упругость; форма), признаки температурной группы (боль режущая, колющая, ноющая, тупая, острая).

С.В. Воронин предложил разделить звукоимовическую лексику в зависимости от характеристик денотата на *кинестемизмы*, обозначающие различные жестовые движения, и *синестемизмы*, обозначающие ощущения и эмоции [2, 89].

Нами звукоимовические слова классифицируются по следующим лексико-семантическим группам:

1. Звукоимовические слова, выражающие походку и другие движения людей: *تلوتلو* [тэлоутэлоу] – разг. качание, шатание; *للكل رفتن* [леклек рафтэн] – разг. неохотно, лениво двигаться, идти; *تك* [тэк] – разг. бег, беготня; *فرت فرت* [фэртфэрт] и *پرت پرت* [пэртпэрт] – быстро, проворно; *مئل رفتن فرفره* [мэсл-е фэрфэрэ рафтэн] – разг. лететь как ветер; *چم* [чэм] – кокетливая походка; *وول (وول) كردن* [вул (вул) кардэн] – разг. вертеться, ёрзать.

Эта группа охватывает значительное количество символических слов, которые выражают различные манеры ходьбы, походки. Они настолько богаты по смысловому разнообразию, что могли бы представить интерес для отдельного анализа как словесные образы, характеризующие человека.

2. Звукоимовические слова, выражающие движения головы, глаз, бровей, ресниц, губ человека: *اخم كردن* [ахм кардэн] – хмуриться (брови);

زول [зул]: *نگاه كردن زول* [зул негах кардэн] – разг. смотреть, вытаращив глаза; вперить взор, уставиться и т.д.

3. Звукоимовические, выражающие выделение слез человека: *نم نمو* [нэмнэму] и *نم نمی* [нэмнэми] – разг. слезящиеся (глаза); *زارزار* [зарзар задэн] – плач, рыдание.

4. Звукоимовические слова, передающие зрительные цвето-световые впечатления: *سو* [су] – свет, сияние; *سو سو كردن* [су су кардэн] – мерцать, мелькать, мигать; *درخشش* [дэрэхшеш] или *درخشندگی*

[дэ́рәхшāндэ́ги] – блеск, сверкание, сияние; درخش [дэ́рәхш или дэ́рәхш] – блеск, сверкание; молния, зарница; вспышка, проблеск; درخشیدن [дэ́рәхшидāн или дэ́рәхшидāн] – блесстеть, сверкать, сиять; خورشید или خورشید [хоршид] – солнце и т.д. В словах этой группы отражаются различные виды световых эффектов, воспринимаемых зрительным органом человека, например блеск огня, других предметов, мерцание звезд, движение пламени, сверкание молнии, вспышка, мелькание и мигание света, сияние лица, свет в глазах при радостном и веселом состоянии человека и т.д.

5. Звукосимволические слова, выражающие внезапность действия, мгновенность, стремительность движения и другого рода действий: شق کردن [šāf(f) kārđān] – раскалывать, рассекать, разрубать; غلغل [ǧəlfəlf] и غلغلک [ǧəlfəlfək] – щекотка, щекотание.

6. Звукосимволические е слова, выражающие некоторые действия человека: لاپ آمدن [лап амāдāн] – разг. жульничать, плутовать и т.д.

7. Звукосимволические слова, выражающие внутренние ощущения и разные чувства. Слова, относящиеся к этой группе, служат для обозначения физиологических явлений, возникающих в организме человека и животного, эмоциональных состояний человека. Слова этой группы немногочисленны: زق زق [зоǧзоǧ] – разг. стрельба, колотье (о болевом ощущении); قلیلی ویلی [ǧиливили] – разг. میزند قلیلی ویلی [делām ǧиливили мизāнд] у меня прыгает сердце от радости и т.д.

Таким образом, в персидском языке звукосимволические слова подразделяются на семь тематических групп, которые обозначают особенности походки и других движений людей, животных и неодушевленных предметов, световые и цветовые представления, эмоциональные состояния человека.

Так как носителем фонетического значения может быть любая единица языка [6, 212–213], рассмотрим некоторые отдельно взятые звуки персидского языка. Поскольку согласно фоносемантике звукоизобразительные единицы имеют универсальный характер, то в персидском языке должны выделяться те же лингвистические носители фонетического значения, что и в других языках. Распределение частот звуков в словах, обозначающих сходные или тождественные понятия в неродственных языках, носит неравномерный характер. Соответствующий анализ позволяет установить статистические звукосимволические универсалии. Так, понятие размера символизируется с помощью оппозиций [верхний подъем – нижний подъем] (для гласных) и [звонкость – глухость], [латеральность – дрожание] (для согласных) и т. д. [4, 62–63]. По экспериментальным данным понятие *большой* символизируется признаками [звонкость], [дрожание], [задний ряд], [нижний подъем]; понятие *маленький* – [глухость], [латеральность], [передний ряд], [верхний подъем], [средний подъем]; понятие *сильный* – [звонкость], [смычно-фрикативность], [взрывность], [дрожание], [задний ряд], [лабиализованность]; понятие *слабый* – [глухость], [сонорность], [латеральность], [передний ряд], [нелабиализованность]; понятие *быстрый* – [смычность], [взрывность]; понятие *медленный* – [сонорность, фрикативность] [4, 35].

В целом ряде зарубежных работ (прежде всего, в работах Дж.Охалы) установлена закономерность о соотношении качества гласных и согласных и их акустической частоты: высокий тон, гласные с высокой второй формантой (типа [i]) и согласные с высокой акустической частотой ассоциируются с малым размером, острой и быстрым движением; низкие тона, гласные с низкой второй формантой (типа [u]) и низкочастотные согласные ассоциируются с большим размером, мягкостью и медленным движением [7, 10; 8, 91 и др.].

Такой вывод согласуется с данными, полученными западными исследователями [9]: в 90 % обследованных языков небольшой размер символизируется передними высокими гласными. Аналогичные данные получены В.В.Левицким и С.Ньюманом [4, 15–38].

Одновременно с этим, как отмечает В.В.Левицкий, «в большинстве славянских языков понятие «маленький» обозначается словами, содержащими гласный [a], в то время как испытуемые, говорящие на русском и украинском языках, оценивают звук [a] как «большой», а звук [и] как «маленький». Автор объясняет это действием законов не объективного, а субъективного звукосимволизма. В области объективного звукосимволизма понятие «большой» символизируется признаками: [звонкость], [дрожание], [задний ряд], [нижний подъем]; понятие «маленький» символизирует следующие признаки: [глухость], [латеральность], [передний ряд], [верхний подъем], [средний подъем]. Кроме того, семантическая оппозиция [большой] – [маленький] символизируется с помощью оппозиции звуковых комплексов [i, e] – [o, a] или [p, k] – [b, r, d]. Расширение числа согласных показывает, что комплексы согласных по шкале размера включают в себя следующие звуки: [m, n, p, l, t, s] – [r, d, b, g, dʒ] [4, 36].

Следующие персидские слова подтверждают утверждение Левицкого о семантической оппозиции [большой] – [маленький]: کوچک [кучек] – маленький, گشاد [гошад] – широкий, بزرگ [бозорг] – большой. Однако в персидском языке значение «малости» очень часто встречается в словах с гласным среднего ряда нижнего подъема неогубленным неустойчивым звуком [ä]: تنگ [тāнг] – узкий, قلیل [ǧāлил] – малый, незначительный, محدود [māhdуд] – немногочисленный; а также суффикс [äk] в уменьшительно-ласкательных словах, например, پسرک [песāräk] – мальчишка, دخترک [дохтāräk] – девочка и т.д.

Шухард, исследуя множество языков, входивших в круг его научных интересов, устанавливал, что некоторые слова такого рода встречаются в различных – что касается их исторического родства – языках, очень часто сохраняя одну и ту же форму. Так, например, указательные частицы обычно содержат гласный [i], когда указывают на предметы, находящиеся вблизи от говорящего, и гласный [a] (или [o]), когда относятся к предметам более удаленным: фр. (i)ci наряду с là, рум. (a)ici наряду с (a)colo, исп. alli наряду с alla, aquí наряду с аса. Данная аналогия прослеживается и в персидских указательных словах: این [ин] – это, тот на ряду с آن [ан] – то, тот; اینجا [инджа] – тут, آنجا [анджа] – там; همین [hāмин] – этот же, همان [hāман] – тот

же и т. д.

М. Граммон определил, что во всех словах, напоминающих скрип (фр. grincement), резкий неприятный звук (bruit aigre), имеется согласная [г] и ясная или острая гласная, как в словах grincer и aigre, таковы немецкие knirpen – скрипеть (говорится о двери), kritzeln – брызгать (о пере), царапать булавкой по стеклянной раме, knirschen – скрипеть зубами, фр. crisser – скрипеть зубами. Так согласный [г] часто встречается в персидских словах с тем же значением: تروق و تروق [täṛäk-o-торук] – треск, грохот; خراش [хәраш] – царапина; царапанье, чесание, скабление; جرق جرق [джәрәғ джәрәғ] – скрежет; خارخار [хар хар] – царапанье; почесывание; خر خر [хэр хэр] – *подр.* скипу, скрежету; خرت خرت [хэрт хэрт] – *подр.* скипу, скрежету или хрусту; فرج فرج [ферч ферч] или [горч горч], فروج فروج [ғоруч ғоруч] – хруст (*при жевании*); скрежет (*зубов*) и т. д.

Выразительные свойства согласных звуков сказываются в словах не менее сильно, чем у гласных; чаще всего оба разряда звуковых фактов сочетаются вместе в одном и том же слове. Например, глагол англ. siffler – свистеть (перс. صفير کشیدن [сәфир кешидән] – свистеть) благодаря двум спирантам *s* и *f* передает дуновение воздуха, причем гласная *i* показывает, что свист этот сопровождается пронзительным звуком.

Ш. Балли доказывает, что некоторые звуки и их сочетания вызывают чувственные представления, которые могут совпадать с впечатлением, производимым значением соответствующего слова. Например, взрывной [к] подчеркивает впечатление дробления: фр. casser – дробить, craquer – хрустеть, croquer – грызть. Аналогичное впечатление производят [к], [ғ] и в персидском языке: تقسیم کردن [täғсим кәрдән] – расчленять, ترک برداشتن [täṛäk бәрдаштән] – трескаться, چغز [чеғэр] или [чәғәр] – потрескавшийся; شق کردن [шағ(ғ) кәрдән] – раскалывать, рассекать, разрубать и т. д.

Многие ученые приходят к выводу, что артикуляция звука или сочетания звуков определяет мышечные движения губ, языка, челюстей, в чем говорящие могут усматривать символическую связь с выражаемой мыслью; так же могут истолковываться слушающими субъектами (являющимися в этом случае одновременно и «видящими») и изменения лица, вызываемые артикуляцией. Так, губные (p, b, f) при произнесении их заставляют воздух скапливаться в ротовой полости; вследствие этого щеки надуваются, откуда происходит возможность совпадения этих звуков с представлением избытка, полноты: фр. bouffer – пичкать, gonfler – раздувать, enfler – надувать. Аналогично в персидском языке, например, حباب [гобәб] – пузырь, پف کردن [поф кәрдән] – дуть, فوت [фут] – дутьё, раздувание (*ртом*) и т. д. При произнесении округлых гласных (ou, u) губы вытягиваются; это движение, даже вне речевой деятельности, выражает плохое настроение, насмешку, презрение: هوم هوم کردن [һумһум кәрдән] – *разг.* хмыкать (*от досады*); اوف کردن [уф кәрдән] – охать, вздыхать; توف [туф] – *уст.* рёв и т. д.

Ш. Балли отмечает, что наши голосовые органы производят *mutatis mutandis* те же символические движения, что и наши руки, кисти рук и т. д. Мы увеличиваем степень открытости рта, чтобы показать большие, и уменьшаем его, чтобы показать малые размеры чего-либо; при указании на длину мы выдвигаем губы вперед, и т. д. Точно так же мы стремимся увеличить раствор рта, когда произносим англ. large – широкий, перс. گشاد [гошад] – широкий, grand – большой, перс. بزرگ [бозорг] – большой и т. д.; мы вытягиваем губы, чтобы сказать англ. long – длинный, перс. دراز [дераз] – длинный; англ. profound – глубокий, перс. گود [гоуд] – глубокий.

У взрослого нормального современного человека есть достаточное количество слов и языковых средств, чтобы точно передать любую возникшую у него эмоцию, не прибегая к фонетической аффектации. Однако при внимательном прослушивании некоторых слов, мы обнаружим очень естественное движение самого важного органа речи – языка. Например, слово нос произносится в нос; при слове небо язык касается верхней части полости рта, а при слове десна он уже слегка касается десны; при слове зуб он указывает на зубы; при слове горло напрягается именно горло. Существует аналогичная корреляция между частями полости рта и соответствующими действиями языка при произношении слов различных языков, означающих эти же органы речи. В частности, англ. nose [nəʊz], нем. Nase, фр. nez, русск. нос, перс. بینی [бини] – нос, перс. منقار [менғар] – клюв имеют в своем составе носовой звук [н]; англ. tooth [tu:θ], нем. Zahn, русск. зуб, перс. دندان [дәндан] – зуб содержат зубные и переднеязычные звуки; throat [θrəʊt], нем. Kehle и Hals, перс. گالو [галу] и حنجره [һәнджәрә] – горло, трахея имеют в составе увулярные или фарингальные звуки.

Рецепторы, распознающие горький вкус находятся в основании языка и гортани. При большой дозе горького происходит сокращение гортанных мышц и содержимое полости рта полностью выплевывается, например, гортанная фонема *it* в английском и немецком слове bitter [ˈbitə] – горький (английское и немецкое написание совпадают) и увулярный звук [x] в персидском языке (تلخ [tälx] – горький) указывают на соответствующие рецепторы. Слова кислый и соленый указывают на рецепторы, расположенные по середине и в начале языка, поэтому передаются переднеязычными или среднеязычными звуками, например, перс. ترش [торш] – кислый, перс. شور [шур] соленый (звуки [т, ш, р] переднеязычные).

Лейбниц считал, что латинское слово mel (мед) сладкое на вкус. Фонема *s* в английском слове sweet и немецком süß указывает на рецепторы, распознающие сладкое. При произношении слова сладкое ощущается легкое давление на рецепторы, распознающие сладкое. В персидском же языке слово сладкий (ширин) شیرین [ширин]; حلوا [һәлва] – сладкий, халва) не соответствует данному утверждению, что подтверждается персидской пословицей: از حلوا گفتن دهان شیرین نمیشود [äz һәлва һәлва гофтән дәһан ширин һәмишәвәд] – *Сколько не говори «халва, халва», во рту сладко не станет.*

Следовательно, данная теория носит практически универсальный характер и часто служит естественным основанием для проявления реверберации в словах близкого содержания.

Выводы. Таким образом, на основании результатов исследований ряда ученых и сопоставлении материалов по лексике и фонетике персидского языка можно заключить, что разнообразные методы, применяемые учеными, помогают выявить феномен звуко-символизма, имеющий универсальный характер. Изучение звуко-символизма в персидском языке только начинается. Дальнейшее исследование фоносемантики персидского языка, очевидно, позволит выявить ряд новых звуко-символизмов и, тем самым, будет способствовать более глубокому и всестороннему изучению этого интересного явления в персидском языке.

Источники и литература:

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
2. Воронин С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 244 с.
3. Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: Очерки и извлечения : учеб. пособие / С. В. Воронин. – Л. : ЛГУ, 1990. – 200 с.
4. Левицкий В. В. Звуковой символизм: мифы и реальность : монография / В. В. Левицкий. – Черновцы : Рута, 2009. – 186 с.
5. Михалёв А. Б. Теория фоносемантического поля : [Электронный ресурс] / А. Б. Михалёв. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 1995. – 213 с. – Режим доступа : <http://amikhalev.ru/>
6. Павловская И. Ю. Фоносемантический анализ речи / И. Ю. Павловская. – СПб., 2001. – 292 с.
7. Hinton L. Sound-symbolic processes / L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala // Sound Symbolism. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. 107-113.
8. Berlin B. Evidence for pervasive synesthetic sound symbolism in ethnozoological nomenclature / B. Berlin // Sound Symbolism. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. 76-93.
9. Ultan R. Size-sound symbolism / R. Ultan, J. Greenberg (ed.) // Universals of Human Language. – Stanford : University Press, 1978. – Vol. 2 : Phonology. – P. 525-568.

Минин В.А.

УДК 811.222

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КАЛЕНДАРНОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Постановка проблемы. Календарь постоянно сопровождает человека в повседневной жизни и является ее неотъемлемой частью. Он становится настолько привычным и обыденным, что люди часто используют его только как средство счисления больших промежутков времени. При этом забывается этимология календарной лексики и утрачивается ее связь с природой и сакральной стороной жизни народа. Кроме того, забываются предшествующие этапы развития календаря, что в значительной степени затрудняет работу с текстами, написанными несколько веков назад.

Актуальность исследования определяется состоянием современной иранистики, в которой накоплен огромный фактологический материал по культуре и языку Ирана в разные исторические периоды. Этот материал требует систематизации, структуризации и представления в качестве обобщенных комплексов знаний по различным лингвокультурным аспектам.

Основная **цель** данной работы заключается в выявлении корней современной персидской календарной лексики, для чего следует проследить историю календарных систем Ирана, выявить их характерные черты с точки зрения лексики и определить современное состояние календарного пласта в персидском языке. Исходя из цели, необходимо решить следующие **задачи**: изучить и проанализировать теоретические работы по истории календаря в Иране; установить этимологию календарной лексики на каждом этапе его существования, систематизировать полученные результаты и сделать выводы.

Анализ исследований по проблематике работы. К числу первых работ по иранскому календарю относится трактат «Памятники минувших поколений» Абурейхана Бируни [3]. Эта работа является одним из важнейших источников. История иранского календаря в древности и средневековье рассмотрена в работе Хасана Тагизаде [1]. Астрономические основы древних календарей проанализированы в обширной статье Вилла Хартнера [2]. Некоторые аспекты зороастрийского календаря рассмотрены Мэри Бойс [4]. Заслуживают также внимания М.А. Дандамаева, В.Г. Луконина [5] и И.В. Рака [6]. Из иранских исследований наибольший интерес вызывает «Хронология» Рахима Реза-заде [8].

Основной материал. Сегодня невозможно точно определить время, когда иранские народы стали использовать календарь. Вероятно, необходимость его использования возникла тогда, когда они начали переходить от кочевого образа жизни к оседлому земледелию. Тогда возникла объективная необходимость в точном учете времени для ведения сельскохозяйственных работ. Известно, что в Ахеменидской империи существовало несколько календарных систем. Ахемениды использовали календари, бытовавшие на завоеванных ими территориях. В Древнем Иране также существовал древнеперсидский календарь, однако он был разработан не самими иранцами, а был заимствован у соседей. Древнеперсидский календарь полностью соответствовал вавилонскому календарю, отличаясь от него только названиями месяцев, которые в основном были связаны с сельскохозяйственными работами. Этот календарь использовался в Ахеменидской империи в качестве официального. После 459 г. до н.э. данных об употреблении древнеперсидского календаря нет. [6, 524]